

Мифология в этологии

В.Р. Дольник, хорошо известный биологам своими трудами в области энергетики и миграций птиц, снискал себе известность в нашей стране и как автор нашумевшей книги «Непослушное дитя биосферы», в которой он выступает в качестве специалиста в области поведения человека. К сожалению, на мой взгляд, здесь он не обладает сколько-нибудь достаточной компетентностью. Эту точку зрения на его творчество я попытаюсь обосновать ниже. Итог размышлений Дольника в этой области – создание мифа, не имеющего ничего общего с серьезным взглядом на сущность социального поведения человека. Примером подобных «изысканий» может служить статья «Естественная история власти», впервые опубликованная в «Знание-Сила» в 1994 году и вновь напечатанная в № 1 журнала за 2006 г под многообещающей рубрикой «Мы были первыми!».

В этой публикации мы находим взгляд автора на «истинные», по его мнению, мотивы поведения людей при их взаимодействиях друг с другом в самых разных сферах жизни общества. Здесь и повседневные взаимоотношения между начальником и его подчиненными, и сословные отношения между элитой и «дном», и политические коллизии, связанные со сменой власти.

В чем В. Р. Дольник видит суть мотивов поведения человека

Если задача В.Р. Дольника состоит не в том, чтобы эпатировать читателя и тем самым привлечь дополнительное внимание к своей персоне, то приходится признать его поразительную близорукость в понимании того, как же именно устроено наше человеческое общество. Он полностью игнорирует вполне устоявшиеся взгляды на этот предмет, выстраданные многими десятилетиями развития общей и социальной психологии, социологии и других наук о человеке. То, каким образом он интерпретирует мотивы поведения людей, поистине обескураживает.

И этому не приходится удивляться. Следуя логике статьи, организация «стада»¹ у предков человека подчинялась принципам, действующим ныне в группировках «стадных приматов». Современное же общество в сфере социальных отношений не сильно ушло вперед от такого первобытного коллектива. Как и в

---

¹ Здесь и далее в кавычках приводится терминология В.Р.Дольника и выдержки из его статьи, о которой идет речь.

отношении «стадных приматов вообще» (макаки, павианы, лангуры?²), нигде четко не сказано, о каком типе общества - традиционном индустриальном или каком-либо другом идет речь. Однако при внимательном чтении опуса обнаруживаются намеки именно на наше с вами российское постсоветское общество последних десятилетий. В нем, как его видит Дольник, фигурируют не личности со своими уникальными психическими особенностями, а некие доминанты и подчиненные особи, в лучшем случае - «довольно хорошие» и «очень плохие» люди. В этой карикатурной картине людских взаимоотношений действуют какие-то безмозглые манекены, все поведение которых определяется некими «врожденными программами». Более того, причина всех заблуждений, в плен которых попадают особи – в том, что они не дают себе труда разобраться в сути этих самых программ. Беда в том, что у них нет желания выучить «урок чистой этологии».

Посмотрим, как же все это происходит в тех или иных ситуациях, моделируемых автором. Особь-доминант, например, «путает слова» «бояться» и «уважать» потому, что в ней «срабатывает врожденная программа, как контролировать уровень агрессивности». Это относится к любым «деспотам», в том числе и... к генералам. Читаем далее: «...генералы даже в официальной обстановке заявляют, что «без атомного оружия нас перестанут уважать». «Для них, - пишет далее Дольник, - слова «бояться» и «уважать» – одно и то же, просто «уважать» приятнее и «уважаемому» и «уважающему»». Прошу прощения за длинную цитату, но она необходима мне, чтобы проиллюстрировать уровень понимания автором сути социальных процессов в нашем обществе и в разных типах человеческих обществ вообще. Действительно, наши генералы рассуждают именно так, они действительно подменяют понятия, но это верное наблюдение получает совершенно ошибочную трактовку. Автор приписывает людям неизвестную науке «врожденную программу контролирования уровня агрессивности».

Какие же еще врожденные программы движут поведением современного человека? К сожалению, автор не претендовал на то, чтобы дать их исчерпывающий перечень. Но вот те немногие, сущность которых он постарался раскрыть перед нами: «демонстрация оскала», оказаться адресатом которой нам «неприятно»; программа «подчинения символам», по велению которой «люди в самом прямом смысле готовы идти за символом в огонь и в воду, погибать, не

---

² Но, видимо, не наши ближайшие родичи - шимпанзе, которых трудно отнести к категории

рассуждая и не задумываясь»; программа «переключения» с ненависти к тирану «на вариант любви» к нему; некие «альтруистические программы».

Но, пора наконец прекратить цитирование всех этих откровений и попробовать возразить автору на сказанное им в предыдущем абзаце. Особо следует остановиться на «программе», требующей от особой свержения памятников умершему тирану. «Убрать их, – пишет Дольник, – такая же примитивная врожденная потребность, как вытереть плевков с лица». И далее: «Свергая огромные статуи своих палачей, народ пусть не цивилизованным, но зато *самым биологическим способом* освобождает себя от страха и агрессивности» (курсив мой, Е.П.). Когда в Москве на Лубянской площади под давлением демократической общественности убрали с постаментов памятники Дзержинскому, едва ли это было актом слепой животной мести палачу. Мотивы поведения людей здесь были совершенно иными, чем полагает Дольник, – демонстрантами руководило гражданское чувство, корни их – в социо-культурных реалиях нашей жизни, а вовсе не в биологической природе человека. Так что, на мой взгляд, было бы весьма опрометчивым видеть здесь вслед за В.Р. Дольником «урок чистой этологии» и уподоблять *граждан* страны стаду павианов.

Стоит сказать также пару слов о «программе подчинения символам». Само явление символа – это специфический продукт деятельности человека, определяемого как «существо символическое». Символы возникают в обществе как результат многовекового развития культуры в данном обществе. Эта одна из форм так называемого «коллективного сознания». По словам крупнейшего мыслителя прошлого Э. Дюркгейма такого рода социальные институты действительно характеризуются «внешним существованием по отношению к индивидам и *принудительной силой* по отношению к ним» (курсив мой – Е.П.). Но будучи элементом культуры социума, символы никоим образом не могут быть частью генетической программы людей.

Суммируя все сказанное до сих пор, берусь смело утверждать, что выстроенная Дольником картина социального поведения людей не выдерживает ни малейшей критики. Возможно, я и не взялся бы за неблагоприятную задачу анатомирования этого текста в поисках смысловых нагрузок, если бы не восторженный комментарий, сопровождающий эту «статью». Автор комментария В. Скобеева пытается внушить читателям журнала, что Дольник – крупнейший

новатор в истолковании истинных мотивов человеческого поведения. Давайте посмотрим, так ли это в действительности.

Краткий экскурс в историю зооморфизма и инстинктивизма

Начиная с самых первых попыток мыслителей прошлого уяснить себе место человека в мироздании, шла борьба двух противоположных точек зрения. Сторонники одной из них утверждали, что животных и человека разделяет четкая грань, и суть ее в том, что человек обладает разумом, а животные полностью лишены этого качества. Отсюда следовало, что поведение животных равно поведению человека минус разум. Так, в частности, в IV в. до нашей эры думал Аристотель.

Но нам сейчас более интересна вторая, прямо противоположная точка зрения. Ее сторонники полагали, что никакой качественной границы между психикой животных и психикой человека нет. Среди античных философов эту позицию поддерживал Демокрит (V век до н. э.). Много позже ее же придерживались многие видные мыслители эпохи просвещения, например, Ламетри (середина XVIII в). Отдавая дань превосходству человека, которого он называл «царем среди животных», Ламетри считал, что между поведением людей и животных нет принципиальной разницы. И тем и другим свойственно как инстинктивное, так и разумное поведение, хотя и в разных соотношениях. Понятно, что в те времена такого рода суждения основывались не на реальных фактах, но были чисто спекулятивными, метафизическими, составляя фрагмент натурфилософских построений того или иного мыслителя.

После выхода в свет трудов Чарлза Дарвина «Происхождение видов» (1859) и «Происхождения человека» (1871) умами научного сообщества овладела идея эволюционизма. Во всеуслышание было заявлено, что человек представляет собой закономерный продукт развития жизни на Земле. Как следствие этого резко усилились две взаимодополняющие позиции – «биологизация человека» (зооморфизм) и очеловечивание природы (антропоморфизм). Так в конце XIX в. восторжествовал принцип полного подобия поведения человека и высших животных.

Вот что пишет по этому поводу наш известный историк науки Н.Л. Кременцов. «Исследования социокультурных предпосылок человеческого поведения заменяются (в этот период – Е.П.) рассуждениями о борьбе за существование среди людей (социал-дарвинизм), а все биологические предпосылки

индивидуального, да и общественного поведения человека сводятся к бесчисленному количеству «инстинктов», из которых выводятся и сознание, и воля, и все остальные качества личности (инстинктивизм)...».

Инстинктивизм как достаточно влиятельное течение мысли продолжил свое существование и в первой половине прошлого, XX века. Крупнейший немецкий психолог и философ Эрих Фромм в числе наиболее видных проводников этих взглядов называет З. Фрейда и К. Лоренца. Я бы добавил к этим двум именам таких эпигонов Лоренца как Р. Ардри, Д. Моррис и И. Айбл-Айбесфелд. С взглядами второго из них, служащих концентрированным примером инстинктивизма, наши читатели могут познакомиться, перечитав его книги «Голая обезьяна»³ и «Людской зверинец». Думаю, они найдут там очень много общего с построениями В.Р. Дольника. Сам я не побоюсь утверждать, что именно из этих произведений (как и из популярных книг К.Лоренца – таких как «Об агрессии») он заимствовал самое существенное для его «концепции» человеческого поведения. А «новым» в ней я вижу лишь то, что, в соответствии с современной научной терминологией понятие инстинкт оказалось замененным словосочетанием «врожденная программа поведения».

В чем же сама суть инстинктивизма в его трактовках поведения людей? Вот как характеризует эту систему взглядов уже упоминавшийся мной Э. Фромм. По его мнению, принципиальная установка зоологов-инстинктивистов такова, что для них человеческое поведение – это всего лишь одна из форм поведения животных вообще, а их главное заблуждение состоит в том, «...что они перепутали два вида влечений - те, которые обусловлены *инстинктами*, и те, которые определяются *характером*» (курсив автора) «Инстинкт, – пишет он, – это чисто биологическая категория, в то время как страсти и влечения, коренящиеся в характере (людей – Е.П.) , – это биосоциальные, исторические категории. И хотя они не служат физическому выживанию, они обладают такой же (а иногда и большей властью), как и инстинкты. Они составляют основу человеческой заинтересованности жизнью (способности к радости и восхищению); они являются в то же время материалом, из которого возникают не только мечты и сновидения, но и искусство и религия, мифы и сказания, литература и театр – короче, все, ради чего стоит жить...».

---

³ Развернутую критику этой книги можно найти в моей статье «Этология человека: история и перспективы. В сб. «Поведение животных и человека: сходство и различия». Пушино, 1989.

Во введении к цитируемой книге «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм пишет: «В настоящем исследовании автор освобождает от принудительного брака с инстинктами такие важные человеческие страсти, как стремление к любви и свободе, тягу к разрушению, желание мучить, подчинять себе другого и господствовать над ним». Вот так: не в бровь, а прямо в глаз!

Есть ли инстинкты у человека?

В своем пространном дифирамбе творчеству В.Р. Дольника на ниве популяризаторства науки, В. Скобеева так рисует путь ее кумира к тем «открытиям», о которых речь шла в начале этой моей статьи. «Раз человек является биологическим видом, у него должны быть и врожденные программы... Так или примерно так рассуждал Виктор Рафаилович с коллегами... за столом в большом Рыцарском зале биостанции (в поселке Рыбачий на Куршской косе – Е.П.)... Именно здесь и звучали крамольные, неклассические соображения о наличии у человека врожденных программ» (даю цитату с сокращениями, опустив словесные завитушки «высокого литературного стиля»).

Помилуйте, но стоит ли столь публично демонстрировать свою, мягко говоря, неосведомленность в фундаментальных вопросах биологии? Ведь еще в самом начале прошлого, XX в. не то что биологам, но и психологам было очевидно, что в основе всего поведения человека лежат некие наследственно детерминированные механизмы. В книге «Психология как наука о поведении» (первое издание вышло в 1919 г) основатель бихевиоризма Дж. Уотсон писал: ...разделение между наследственными видами реакций и приобретенными никогда не может быть проведено абсолютно. Однако при лабораторных исследованиях иногда приходится изучать подробности наследственной реакции. В таких случаях приходится проводить самое резкое разграничение. Немного существует биологических проблем, допускающих иной метод исследования. С этой целью мы должны прибегнуть к генетическому методу. Мы должны начать с появления на свет ребенка... и проследить шаг за шагом его дальнейшее развитие, отмечая первое появление наследственных видов реакций, их течение и влияние на формирование всей личности ребенка...» .

А в главе той же книги «Наследственные виды реакций: инстинкт» читаем: «При обсуждении эмоций мы отметили факт, что нельзя провести резкой границы между эмоциями и инстинктом. В обоих случаях мы имеем наследственные образы

действий» Для полноты картины приведу еще несколько коротких выдержек из этой главы. «Ни один научно мыслящий исследователь инстинктов человека не стал бы утверждать, что род *Ното* обладает чем-либо похожим на пестрый репертуар инстинктов животного». «У человека сохранились, может быть, пережитки многих из этих деятельностей (инстинктов животных - Е.П.), но много раньше, чем организм мог бы использовать такие программы, они перекрываются навыками» (и, добавлю от себя, всевозможными влияниями культурного окружения). «Хотя число совершенных инстинктов у человека мало, мир его недоразвитых и инстинктивных наклонностей весьма значителен».

Пользуясь случаем и опираясь на авторитет Дж. Уотсона, поставлю под сомнение следующий пассаж из Р.В.Дольника, приведенный В. Скобеевой: «Мы все собираем, отдаваясь инстинкту, голосу предков, ибо гоминиды начали свой путь на земле, имея единственную экологическую нишу – нишу собирателя». Надеюсь, читатель понял, что речь идет здесь о хобби коллекционеров, о котором В. Скобеева написала довольно много в свойственном ее перу игривом и развязном тоне: «При виде недостающего элемента коллекции - скажем, редкой пивной банки – мужчина теряет рассудок и тащит приобретение в дом. С точки зрения его герлфренд, в доме и так есть пустые пивные банки – штук так 2000. Мужчина рассуждает совсем не так, а вернее, никак. Им владеет врожденная программа» (еще одна, в дополнение к перечисленным мною выше).

А вот что пишет на ту же тему Дж. Уотсон: «Если верить психоаналитикам, то собирание и накопление указывают на великое множество факторов, не имеющих ничего общего с инстинктом. Наше собственное суждение таково, что здесь мало такого, что могло бы быть названным инстинктом... Когда дети входят в социальную группу, они копят то, что копят другие. Один или два месяца их карманы заполняются кусочками мрамора, которые спустя два месяца могут замениться волчками. Они обычно собирают то, чем сейчас пользуется вся группа. Самое раннее накопление, отмеченное у двух детей, состоявших под нашим наблюдением, это почтовые карточки и письма». Но, пишет Уотсон, это было сделано под явным влиянием родителей, а затем и друзей юных коллекционеров».

О реакции профессионального научного сообщества на инстинктивизм

В 1979 г. упоминавшийся уже ученик К.Лоренца И. Айбл-Айбесфелд опубликовал в международном журнале «Исследования поведения и мозга» обширную статью «Этология человека: концепции и их возможный вклад в науки о человеке». В этой

публикации высказывались взгляды, очень похожие на те, что мы находим в обсуждаемой здесь статье В.Р. Дольника и в других его публикациях на ту же тему. Важно, однако, подчеркнуть различия в степени профессиональной подготовки этих двух авторов. Профессия В.Р. Дольника, по словам В. Скобеевой, «не имеет ничего общего с науками о человеке – психологией, педагогикой, антропологией». И. Айбл-Айбесфельд, напротив, значительную часть жизни посвятил профессиональному изучению поведения детей, а также людей в аборигенных традиционных сообществах (таких, например, как группировки бушменов в пустыне Калахари). Выступление И. Айбл-Айбесфельда породило широкую дискуссию, результаты которой были опубликованы в том же номере упомянутого выше журнала.

Из 24 участников дискуссии лишь двое одобрили проект этологии человека, предложенный Айбл-Айбесфельдом. А вот как звучали голоса несогласных с ней. Лингвист и философ Н. Бок — «Заблуждения относительно «врожденности»». Анатом Х. Липп усомнился в том, что данные по поведению обезьян могут дать ключи для выявления филогенетически запрограммированного поведения человека. По мнению представителя экологической антропологии С. Уошборна, методы этологии неприменимы к изучению человека, а будучи использованы в этой сфере, дают лишь тривиальные результаты. Этолог Дж. Хейлмен, как бы внося ясность в этот вопрос, отметил, что «этология», которую проповедует И. Айбл-Айбесфельд, это не «Этология с большой буквы», а австро-германский вариант этологии (намек на К. Лоренца), основные положения которой современная наука давно уже переросла. Ряд выступавших, отдавая должное важности фактических данных, полученных И. Айбл-Айбесфельдом, отказались принять его теоретические построения.

Об опасности аналогий

Один из участников только что описанной дискуссии, антрополог Б. Бенедикт озаглавил свое выступление словами «Опасность аналогий». Что он хотел сказать этим? Все те, кто в той или иной мере переносят знания о поведении животных на поведение человека, и В.Р. Дольник в том числе, широко используют метод заключения по аналогии. Суть этого приема еще в XIX в. была прекрасно раскрыта английским классиком философии Дж. С. Миллем.

В его фундаментальном труде «Система логики», в главе под названием «Заблуждения в обобщении» говорится о так называемых ложных аналогиях. Они имеют место в том случае, «...когда на основании сходства предметов в одной черте заключают о сходстве их в другой, причем не только не доказана причинная связь между этими двумя чертами, но, напротив, положительно известно, что такой связи нет».

Спросим себя, много ли общего в поведении человека и певчей птичкой зяблика. Разумеется, кое-какое сходство есть: они живые существа, вынужденные, как минимум, потреблять пищу и способные размножаться половым путем. Принято считать, что у зябликов при формировании семейной пары активной стороной является самка, выбирающая себе супруга.

А как же в этой сфере дело обстоит у людей? Этим вопросом заинтересовалась и В. Скобеева. В частности, почему некоторые девушки вступают в отношения с женатыми мужчинами? «Психологи утверждают, - пишет она, - что девушки просто сами не могут оценить мужчину, поэтому выбирают того, которого уже выбрала другая. Дольник же говорит нам, что в таком поведении есть смысл». Далее – цитата из Дольника. «Кольцевание зябликов на Куршской косе показало, что самцы с двумя самками – элитные самцы как по своим качествам, так и по качествам своих участков. Следовательно, и у моногамных видов (вероятно, имеется в виду человек - Е.П.) самки могут вести отбор генов по элитным признакам». Ну вот, теперь В. Скобеевой все стало ясно!

Вместо заключения: об околонаучных мифах и ответственности популяризатора науки

Времена теперь такие, что любой человек может широко распространять свои любые, хоть самые несуразные идеи. И может так случиться, что он первый сообщит широкой общественности что-нибудь такое, о чем народным массам еще и в голову не приходило. Например, новую хронологию в истории. Или, что человеческое общество подобно стаду павианов не в художественном, а в самом, что ни на есть, научном смысле слова.

И что самое смешное, ведь действительно ужасно похоже! И читающая публика от души развлекается, сравнивая пассажи Дольника с реальной жизнью. Может быть, стоило бы так и отнестись к этой его статье: как к развлекательному чтению, а к автору – как к остроумному наблюдателю, удачно

подметившему и описавшему наше сходство с бабуинами? Чего уж с такой звериной серьезностью громить его построения?

Но дело в том, что автор – серьезный ученый, который, хочется думать, ставит своей целью вовсе не развлечение читателя. Это попытка популяризации науки, попытка доходчивого объяснения сути этологического подхода к поведению человека на примере сравнения его поведения с поведением приматов. Однако такого рода статьи своим появлением формируют даже не околонаучный, а лженаучный миф, который уже успешно прижился, ибо обладает всеми необходимыми для этого свойствами: ясностью и простотой схемы и возможностью найти ей подтверждения на бытовом уровне и в рамках бытового мышления. Вот это – яркий пример успешной популяризации ложных представлений. Хотя, к глубокому сожалению, В.Р. Дольник тут не был первым и вероятно, к сожалению, еще не последний.

Е.Н. Панов,
профессор, заведующий лабораторией сравнительной этологии
и биокommunikации Института экологии и эволюции РАН, лауреат Гос. премии
РФ за исследования в области эволюции поведения

